

Т. К. ХОЛМАТОВ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Эвристические возможности источниковедения историографии в реконструкции интеллектуальной биографии С. Б. Веселовского (1876–1952 гг.)

В статье рассматриваются эвристические возможности источниковедения историографии при реконструкции интеллектуальной биографии российского и советского историка Степана Борисовича Веселовского (1876–1952 гг.). Проиллюстрирована принципиальная зависимость результатов анализа историографического источника от корректного определения его видовой принадлежности, рассмотрены этапы исследовательской работы, дающие возможность комбинировать источниковедение историографии с другими методологическими подходами и методическими процедурами для раскрытия «лаборатории историка». В заключительной части предложено определение интеллектуальной биографии как выявление форм интеллектуальной деятельности в динамике, позволяющее проследить эволюцию научных взглядов ученого.

Ключевые слова: интеллектуальная история, источниковедение историографии, С. Б. Веселовский, интеллектуальная биография, новая биографика, историографический источник, метод.

Финансовая поддержка: исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20–39–90015 «Интеллектуальная биография С. Б. Веселовского (1876–1952 гг.)».

Интеллектуальная история, с конца XX в. постоянно находящаяся в поиске новых исследовательских пространств, и новая биографика существенно обновили стратегии специалистов в изучении историографии. С одной стороны, ученые стали больше концентрироваться на личности биографируемого, его мировоззрении, мотивах, пере-

живаниях, идеалах и других особенностях внутреннего мира, а с другой — его идеях, научных текстах. В этом «движении» многим авторам нередко свойственны крайности, когда в попытке следования одному подходу игнорируются преимущества другого. В историографии эти два направления получили названия «антропологической» и «концептуалистской» парадигм¹. Как отметили С. Б. Крих и О. В. Метель, исследователи, с одной стороны, следуя «антропологической» парадигме, анализируют личность, но могут упустить из внимания специфику профессиональной деятельности, а с другой, опираясь на «концептуалистскую», испытывают трудности в анализе самих идей.

Таким образом, актуальной задачей современной истории исторической науки является формирование метода (как совокупности исследовательских процедур и практик), соединяющего преимущества обеих эвристических стратегий. Решение видится через реконструкцию интеллектуальной биографии ученого. В отличие от традиционной биографии, в которой основное внимание уделяется действиям индивидуума в историческом контексте², интеллектуальная биография предполагает рассмотрение произведений историка как биографических фактов, адекватное видение изучения которых в контексте исторической культуры дает источниковедение историографии.

Хоть термин «источниковедение историографии» был предложен еще в советской исторической науке в 1960-х — 1970-х годах в трудах М. В. Нечкиной³ (1901–1985 гг.) и С. О. Шмидта⁴ (1922–2013 гг.), в качестве последовательного отрефлексированного подхода он стал разрабатываться лишь в последние годы представителями научно-педагогической школы источниковедения, в особенности М. Ф. Румянцевой и С. И. Маловичко. Они рассматривают источниковедение историографии как *«предметное поле актуального исторического знания»* (курсив мой. — Т. Х.), *«востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной*

¹ Крих С. Б., Метель О. В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

² В историографии названия таких биографий складываются по принципу «историк и его время».

³ Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР: сб. ст. М., 1965. С. 6–26.

⁴ Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1965. Т. 22. С. 3–49; Он же. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 119–129.

истории»⁵. Отсюда вытекает как теоретическая, так и методологическая направленность источниковедения историографии. В данном случае теория рассматривается как неотъемлемая предпосылка формирования метода: ввиду того что источниковедение историографии включает в себя ряд последовательных методологических процедур (то есть предлагает исследовательскую схему, схожую с источниковедением)⁶, способствующих достижению базовой цели — изучению историографического источника как феномена интеллектуальной культуры⁷.

В основе изысканий представителей научно-педагогической школы источниковедения лежит разработка классификации историографических источников, что позволяет, исходя из определения типов и видов последних, выделять и воссоздавать форму человеческой деятельности, принятую в интеллектуальной культуре, в которой возник авторский текст⁸. В статье данный принцип взят за основу при реконструкции интеллектуальной биографии одного из крупнейших российских и советских историков — С. Б. Веселовского (1876–1952 гг.).

В историографии нередко встречаются неточности в определении видовой специфики историографических источников, авторство которых принадлежит Степану Борисовичу. Например, А. Л. Корзинин в вводной части диссертации о Государевом дворе в доопричный период неверно счел сборник трудов «Исследования по истории опричнины»⁹ монографией¹⁰. Несмотря на то что в отношении этого научного сочинения Веселовского трудно однозначно утверждать, планировал ли автор соединить разрозненные произведения в единое крупное исследование или все же это несколько самостоятельных очерков и статей, объединенных темой опричнины. Ввиду посмертной публикации (подборка была подготовлена членами комиссии по изданию работ С. Б. Веселовского, а не самим историком) этот сборник по своей

⁵ Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11. Омск, 2017. С. 79.

⁶ Как метод источниковедение историографии рассматривается в одной из глав учебного пособия по источниковедению («Источниковедческий подход к изучению историографических источников», автор раздела С. И. Маловичко). См.: Источниковедение: учеб. пособие. М., 2019. С. 592–609.

⁷ О значении понятия «интеллектуальная культура» см.: Репина Л. П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 5–15.

⁸ Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Источниковедение историографии... С. 77–99.

⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1965. 539 с.

¹⁰ Корзинин А. Л. Государев двор в доопричный период (1550–1565 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. С. 26.

сути представляет совокупность историографических источников, а не отдельный вид таковых.

Несмотря на присутствие в «Исследованиях» некоторых черт монографии¹¹, в них все же отсутствует, пожалуй, главный признак этого вида публикаций — репрезентативность источниковой базы. Необходимость отражения последней обусловлена тем, что монография направлена на максимально глубокое изучение научной темы, в связи с чем историку следует обосновывать причины привлечения тех или иных типов/видов источников для решения поставленной цели и задач. К тому же сборник трудов С. Б. Веселовского не имеет четкой последовательной структуры, которая присуща монографии, он представляет собой совокупность трудов, посвященных разным вопросам и объединенных лишь темой опричнины Ивана Грозного.

В противоположность этому монография чаще всего сконцентрирована на одной проблеме, которую автор стремится последовательно решить на страницах книги. В текущем свете другая работа Веселовского «Исследования по истории класса служилых землевладельцев»¹², также опубликованная посмертно, имеет все черты монографии: строгая архитектура текста и, главное, обоснование репрезентативного корпуса источников (в обстоятельном разделе «Характеристика источников»). Стремясь проиллюстрировать складывание служилых землевладельцев как класса и роль, которую они играли в формировании Московского государства, Веселовский проследил их непосредственное участие в социально-политических процессах. В итоге базовая идея монографии была отрефлексирована советским историком, чего, как правило, не наблюдается в сборниках трудов. Для сравнения: в «Исследованиях по истории опричнины» просматривается осмысленная идея (заложенная автором) в отношении каждой отдельно взятой работы, а не их совокупности.

Следующий шаг подводит нас к анализу происхождения и содержания, историографической деконструкции (изучение риторических/дискурсивных, теоретико-методологических «смыслов» источника). Источниковедческий подход важен тем, что хоть он и сконцентрирован в большей степени на работе с историографическими источниками, но все же не исключает привлечение материалов других видов. В этом

¹¹ Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия — историк (к юбилею Л. П. Репиной). М., 2017. С. 337–354.

¹² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 582 с.

ракурсе исследование происхождения предполагает изучение личности автора, социально-политических условий и обстоятельств создания историографического источника. Соответствующие методические процедуры крайне трудно выполнить без документов личного происхождения и эго-документов (причем не только самого историка), которые позволяют раскрыть круг научного общения/взаимодействия ученого, детальнее воссоздать интеллектуальный контекст эпохи, на которую приходится его «труды и дни», проанализировать его личные качества, которые хоть и не равноценны профессиональным навыкам, но тесно связаны с ними¹³. Таким образом, открывается возможность синтезировать источниковедение историографии с новой биографикой, которая пристальное внимание уделяет, во-первых, социокультурному контексту, а во-вторых, привлекает широкий круг источников для реконструкции биографии. В нашем случае это позволяет проанализировать личные мотивы вхождения Веселовского в науку, факторы выбора направления исследований в самом начале пути как историка, причины, побудившие сменить вектор изысканий после 1917 г., и т. д.

Вышеприведенные процедуры направлены на изучение отдельно взятого историографического источника, а для реконструкции интеллектуальной биографии требуется выявить связь между трудами ученого. Наиболее рациональный выход из данной ситуации видится в следующем. Ранее уже упоминалось, что тот или иной вид историографических источников отражает форму интеллектуальной деятельности историка, а выявление этих форм в динамике и есть его интеллектуальная биография. Эта мысль может быть пояснена на примере дореволюционного научного творчества Веселовского. Его крупнейшее двухтомное исследование о сошном письме было опубликовано в 1915–1916 гг.¹⁴, однако анализ фундаментального труда без учета предыдущих изысканий позволяет рассматривать работу в качестве отдельного интеллектуального продукта. Например, книга «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича»¹⁵ может считаться не просто промежуточным результатом многолетних изысканий (о чем, к слову, Веселовский сам написал в предисловии), а попыткой разобраться прежде всего в истории кос-

¹³ Herman P. What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires // *History and Theory*. 2014. № 53. P. 348–371.

¹⁴ *Веселовский С. Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства*. Т. 1. М., 1915. 442 с.; Т. 2. М., 1916. 716 с.

¹⁵ *Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича*. М., 1908. 233 с.

венных налогов Московского государства XVII в. до перехода к сошному письму, установить связь между ними. Таким образом, поиск общих линий между более ранними работами Веселовского и двухтомным исследованием, помимо всего прочего, позволяет представить целостную картину дореволюционного научного творчества автора, а не только отдельные сюжеты.

В предложенном подходе отражена идея необходимости концентрации на эволюции взглядов биографируемого, изменении его мировосприятия, с учетом того, что интеллектуальная биография направлена прежде всего на изучение самого процесса создания интеллектуального продукта. Динамичный характер интеллектуальной биографии позволяет также избежать анализа идеи без контекста, о котором в том числе писал К. Скиннер в 1969 г. в журнале *History and Theory*: «Написание интеллектуальной биографии (как и носящих более обзорный характер очерков интеллектуальной истории, которые построены по той же модели) чревато той очевидной опасностью, что буквальное значение основополагающих терминов изменчиво с течением времени, поэтому автор мог вкладывать в свои слова совсем другой смысл и оттенок, нежели тот, что воспримет читатель»¹⁶.

Безусловно, связь между трудами ученого прослеживается далеко не всегда. Однако сам по себе потенциальный разрыв с предыдущими изысканиями либо появление нового исследовательского интереса, так или иначе, поднимают вопрос о причинах подобных трансформаций. Так, после 1917 г. сменился вектор научных изысканий Веселовского как тематически, так и хронологически. По словам Л. В. Черепнина, Степан Борисович «переходил от истории тягла и фискальной политики правительства к истории землевладения, вотчинного режима, крестьянского закрепощения, а хронологически он от XVII в. все более спускался в глубь веков, в XVI, XV, XIV столетия»¹⁷. Такой ретроспективный взгляд, вероятно, был обусловлен идеологическими соображениями. Веселовский мог предполагать, что проблематика налогообложения вызовет негативное отношение со стороны новой власти, например, из-за преемственности идей историков, имевших либеральные политические взгляды, в частности А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова. Также двухтомник о сошном письме мог рассматриваться как логиче-

¹⁶ Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 88.

¹⁷ Черепнин Л. В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 24.

ский итог многолетних исследований, поэтому ученый и решил обратиться к новому направлению.

Как отмечено выше, источниковедение историографии позволяет проследить два, пожалуй, ключевых вопроса относительно историографического источника: *что* и *как* создано. Концентрируясь лишь на них, мы упускаем из вида аспекты, связанные с восприятием трудов ученых в научной и/или общественной сферах. Учет этих обстоятельств открывает возможность понять механизмы функционирования историографического источника в исторической культуре¹⁸. На взгляд автора, посмертную публикацию трудов историка целесообразно рассматривать как часть его интеллектуальной биографии. Особенно это относится к творческому наследию Веселовского, значительная часть которого была опубликована после кончины автора.

В итоге источниковедение историографии дает возможность максимально широко раскрыть «лабораторию историка» не только благодаря существенному методологическому и методическому арсеналу, но и ввиду своей вариативности, возможности эффективного сочетания с другими подходами и методами. Помимо уже упоминавшейся новой биографики, к таковым можно отнести и *сетевой анализ*, который предполагает изучение взаимодействий ученого со своими наставниками, современниками, последователями, ведь «лаборатория историка» не формируется одним исследователем (исключением в данном случае не является и Веселовский): на его идеи, теоретико-методологические взгляды, способ выстраивания текста, стиль дискурса так или иначе влияют коллеги из других областей знания. Тем не менее источниковедение историографии важно прежде всего тем, что выявление форм деятельности, принятых в интеллектуальной культуре времени, в динамике, по сути, и есть интеллектуальная биография, которая, в свою очередь, подразумевает анализ трансформаций личности. Такой подход позволяет доказательно изучить эволюционную динамику научных взглядов/интересов ученого.

¹⁸ Под «исторической культурой» подразумевается явление «интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, включающем и теоретическое, и идеологическое, и быденное сознание». См.: *Репина Л. П.* Введение. Историческая культура как предмет исследования // *История и память: историческая культура Европы начала Нового времени.* М., 2006. С. 9.